

- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 32.
- ⁷⁶ *Полевой Б. П.* Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.) // Изв. ВГО. 1960. № 1. С. 50.
- ⁷⁷ *Алексеев А. И.* Отважные сыны России, Магадан, 1970. С. 15.
- ⁷⁸ *Полевой Б. П.* Дючерская проблема (По данным русских документов XVII в.) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 47—59.
- ⁷⁹ *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 447.
- ⁸⁰ *Полевой Б. П.* Новый документ... С. 29.
- ⁸¹ *Алексеев А. И.* О зарождении сельского хозяйства на Сахалине // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 218.
- ⁸² *Полевой Б. П.* Забытые сведения... С. 550—551.
- ⁸³ Там же. С. 551.
- ⁸⁴ ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. Л. 22.
- ⁸⁵ См. Вступительную статью к сб.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 8.
- ⁸⁶ *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982. С. 36.
- ⁸⁷ *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 122.
- ⁸⁸ *Алексеев А. И.* Береговая черта. Магадан, 1987. С. 19.
- ⁸⁹ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 188.
- ⁹⁰ *Алексеев А. И.* Береговая черта. С. 21.
- ⁹¹ Там же. С. 22.
- ⁹² *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция... С. 450.
- ⁹³ *Алексеев А. И.* Береговая черта. С. 24.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 23.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. / Сост. Белов М. И. Л.: М., 1952. С. 54 (именно на этот текст и ссылался А. И. Алексеев).

© 1991 г., СЭ, № 3

Ю. М. Кобищанов

ПОЛЮДЬЕ В ОКЕАНИИ

Древнерусское слово «полюдь» обозначает характерный для раннефеодального общества и государства обход территории государства (вассальных владений либо отдельных общин) его правителем (или наследником престола) в сопровождении двора и дружины.

Полюдь — характерный пример многофункционального социального комплекса¹, исследованный нами на материале более чем 150 обществ разных регионов мира².

Более половины таких обществ (от Египта эпохи первых династий до Марокко начала XX в.) были письменными. Главным источником наших знаний о комплексах типа полюдья в таких случаях служат надписи, летописи, законодательные акты, жития святых, а также описания путешествий и пр. Но в

бесписьменных обществах круг источников сужается до записок иноземных путешественников и местных преданий, «устных династийных хроник» и т. п. Так было в большей части Тропической Африки, в Сибири и Океании до колонизации их европейцами. Недостаток источников — лишь одна из трудностей изучения комплексов типа полюдья в Океании.

Другая трудность состоит в недостаточном развитии самого комплекса полюдья и прежде всего его функций: экономических, социальных, политических, религиозно-ритуальных и др.

Из обычных для полюдья экономических функций в Океании была наиболее распространена древнейшая и вместе с тем наиболее живучая, состоявшая в том, что правитель или его представитель со своей свитой кормился за счет посещаемых им общин или подчиненных ему местных князей, причем происходило это, как правило, на пирах. Другой экономической функцией были изъятие и перевозка в одну из главных резиденций правителя части продовольствия и другой дани или даров-подношений. Экономические функции полюдья, связанные с торговлей, в Океании были почти неизвестны. Нельзя забывать, что данничество имело не только экономическое значение. Иногда экономические функции сбора дани отступали на второй и третий планы перед политическими и религиозно-символическими функциями.

Политическая функция полюдья заключалась в том, что правитель, обходя владения во главе своей дружины, укреплял свою власть на местах, принимая знаки верности, усмиряя непокорных и отражая набеги врагов. Посылая в полюдье других лиц вместо себя, правитель тем самым внедрял элементы государственного аппарата в систему общин. Можно говорить о том, что именно неразвитость государственного аппарата является одной из причин существования полюдья.

Социальное содержание полюдья состояло в том, что правитель укреплял свои личные связи как с сопровождавшими его людьми, так и с населением тех общин, которые посещал. Кроме того, в полюдье происходила социализация молодежи, прежде всего молодых воинов, поскольку в свиту правителя входили и отряды юных воинов, и группы подростков («молодая дружина»).

С социальной и политической функциями переплеталась и судебная — в полюдье правитель творил суд и расправу над участниками полюдья и местным населением. К нему обращались как к третейскому судье с просьбой «рассудить», «восстановить справедливость» и т. п., не только отдельные лица, но и целые общины, часто враждовавшие между собой из-за пограничных земель, угона скота, похищения или бегства женщин и пр. «Рассудить» межобщинные споры — значило внести примирение в общество, т. е. осуществить очень важную функцию правителя, который при этом взимал штрафы, что возвращает нас к экономическим функциям полюдья.

Особое значение имели религиозно-ритуальные функции, состоявшие в том, что правитель (в условиях полюдья это был, как правило, священный царь), обходя свои владения, у же своим присутствием, а также жертвоприношениями (которые обычно соединялись с пирами), различными магическими действиями и молитвами богам и духам сообщал плодородие земле, животным и людям, вносил гармонию в общинное мироздание. С комплексом полюдья в большинстве случаев связана сакрализация власти и особы правителя — эта, по нашему мнению, древнейшая классовая по своему существу форма религиозного культа³.

Комплексы типа полюдья в Океании и отдельные их функции уже обращали на себя внимание исследователей. В 1964 г. появилась статья Х. Г. Пайера о всемирно-историческом распространении полюдья⁴, в которой он сослался на труд П. Хамбруха и А. Айлерса об о-ве Понапе. Я в свою очередь привел другие описания полюдья на различных архипелагах Океании⁵. И все же в настоящей статье впервые анализируются данные о полюдье в Полинезии и Микронезии как социальном комплексе, характерном для раннефеодальных

обществ, понимаемых в контексте моей теории большой феодальной формации⁶. Здесь нет возможности ее изложить. Отмечу только, что внутри феодальной формации развиваются социальные комплексы, такие, как общинно-кастовый, домашнего рабства, полюдья и др.; степень развития этих комплексов бывает неодинаковой. Кроме того, одни комплексы, например самодержавно-бюрократический, характерны для позднего феодализма, другие, как полюдые, — для раннего. Раннефеодальное общество — такое, в котором преобладают вторые при неразвитости или слаборазвитости первых, притом если характерные для раннего феодализма комплексы еще сами слаборазвиты и много элементов первобытной общинности, то соответствующее общество по преимуществу раннефеодальное; развитый феодализм — это высшая стадия раннего феодализма и вместе с тем начальная стадия позднефеодального общества.

Большинство обществ Океании в XIX в., оказавшись под воздействием европейско-американского капитализма, вошло в состав его феодально-колониальной периферии. Здесь бурно развивались феодальные отношения (прежде достигшие значительного прогресса лишь в немногих странах, таких, как Тонга или Понапе), создавались довольно обширные раннефеодальные государства, скоро превратившиеся под воздействием европейско-американских торговцев и миссионеров в позднефеодальные (в специфической форме «миссионерских королевств»), а затем в колониальные владения. В связи со столь стремительным ростом феодализма развились — часто из прежде зачаточных форм и всегда на краткий исторический срок — различные социальные комплексы, в том числе комплекс полюдья. В других случаях, как на Гавайях, он принял более широкие масштабы, соответственно масштабам объединившего весь архипелаг государства.

На разных архипелагах Полинезии в XVIII—XIX вв. наблюдались неодновременные и неодинаковые по формам и стадиям процессы — сначала развития, а затем быстрой дезинтеграции комплексов типа полюдья.

Самые ранние стадии мы находим на Маркизских островах, где государство в доколониальное время не сложилось. Местное общество делилось на более чем 30 ремесленных групп, несколько категорий жрецов; в каждом из племен были верховный жрец и обоженственный вождь, а также воины, слуги вождей и пр. Среди земледельцев высшую категорию составляли *рангатира* — главы домохозяйств. Каждый вождь получал дань, которую ему приносили сами рангатира, приходя торжественной процессией по 200—300 человек⁷. Согласно Ю. Ф. Лисянскому, вождю принадлежала четвертая часть урожая плодов хлебного дерева⁸, или первый из четырех ежегодных урожаев этих плодов. Вождь подавал сигнал для сбора каждого из урожаев и таким образом регулировал поступление дани. Верховные жрецы также получали приношения, среди которых важное место принадлежало человеческим жертвам⁹.

Путешествия или обходы общин совершали в основном не вожди и верховные жрецы, а, как и в других регионах мира, члены половозрастной группы юношей (*каикои*). «Наибольшую активность они проявляли после сбора урожая. Часто группами человек по сорок они отправлялись в соседние долины, на соседние острова, подходили к домам знатных людей и пели в их честь песни. Иногда вся песня состояла из одних имен. За каждое произнесенное имя полагалось по подарку». Став взрослыми, каикои превращались в каокао — лиц, сопровождавших вождя¹⁰.

Полюдые совершал сын — наследник племенного вождя после достижения совершеннолетия, вступления в брак и окончания обучения у жрецов. Престолонаследник в сопровождении каокао и слуг обходил общины для сбора дани и разрешения споров между отдельными общинами и домохозяйствами¹¹.

Обходы общин молодыми воинами, предводители которых наследники вождей или князей, — обычай, распространенный и в других обществах мира, находившихся примерно на той же или более высокой ступени развития, что и на Маркизских островах, например, у кайтагов Дагестана, у некоторых на-

родов Африки, в частности у южных оромо Кении и Эфиопии, масаев Кении и Танзании и др. Сравнение с некоторыми соседними обществами (в Африканском Межозерье, в тех частях Эфиопии, где у оромо появились государства и др.) показывает, что такой обычай является одним из прототипов полюдья. Вероятно, так же обстояло дело и у древних славян, где существовали группы молодых воинов, колядовавших наподобие юношей оромо или маркизских кайкаа. В отличие от средневековых славян у жителей Маркизских островов комплекс полюдья не сложился окончательно и вождь у них не совершал обход общин в сопровождении каокао.

Этот элемент в генезисе комплекса появился на о-ве Пасхи (Рапа-Нуи). Здесь, как и повсюду в Полинезии, имелись племена, линиджи вождей (*арики*), правивших племенами, но также и общие для всего острова наследственный верховный вождь-жрец (*арики-хенуа*, или «вождь земли») и второй великий жрец (*тангата-ману*, букв. «человек-птица», или «богочеловек»), сан которого не был наследственным, а определялся случаем (он доставался тому воину из племени — победителя на войне, слуга которого первым находил яйцо перелетной птицы манутары на островке Моту-Нуи). До того в июле (самый прохладный месяц Южного полушария) воины племени-победителя со своими женами и детьми направлялись в д. Матевери, затем «дорогой победы» в д. Оронго, где не было постоянного населения; прибывшие сюда паломники исполняли обряды в честь богов Хауа и Макемаке. Из Оронго слуги воинов вплавь переправлялись мимо скалистых островков Моту-Каокао и Моту-Ити на Моту-Нуи, где, живя в пещерах, ждали прилета птиц манутара, которые здесь гнездились. Добыв яйца манутары, слуги возвращались проливом, отделявшим Моту-Нуи от главного острова, и доставляли добычу своим господам.

Это была опасная задача, выполнить которую мог лишь мужественный и физически хорошо подготовленный человек. Чаще всего такой молодец служил военному вождю — *мотато'а*.

Согласно А. Метро, титул тангата-ману мог достаться лишь тому, кто уже обладал известной политической властью. Но одного этого было недостаточно, требовалась еще особая милость сильнейшего из богов — Макемаке, благодаря которой военный вождь становился первым в данном сезоне обладателем яйца манутары.

Теперь он, обрив голову, раскрасив лицо красной и белой краской и держа в руках яйцо манутары (из которого он удалял содержимое), в сопровождении остальных воинов, слуги которых также добыли для них яйца манутары (отныне эти воины становились членами свиты вождя), танцуя, направлялся к расположенному неподалеку вулкану Рано-Као, или Рано-Параку. Дно его кратера заполняло красивое зеленое озеро. Над ним находилась главная резиденция тангата-ману, в ней новый носитель этого титула поселялся, а старого удаляли. Это озеро А. Метро сравнивает с оз. Неми, а тангата-ману — с царями-богами, описанными в «Золотой Ветви» Дж. Фрэзера; в обрядах культа тангата-ману А. Метро отмечает такие характерные черты, как их связь с весной (в Южном полушарии), важное значение подношения избраннику высокого титула первых плодов урожая, обязательное затворничество на известный срок, краткость правления. Один из источников А. Метро описывает «непристойные танцы обнаженных женщин» под руководством особой жрицы в Оронго, которые ученый связывает с культом плодородия. (Это можно сопоставить с эротическим элементом комплекса полюдья у других народов, например славянских, банту и др.) Особый интерес для нас представляют подношения тангата-ману первинки урожая, а также то обстоятельство, что кроме главной резиденции на Рано-Параку в каждой из деревень Пасхи он владел домом, в котором останавливался, прибывая со своей свитой в эту деревню¹².

Можно предположить, что тангата-ману периодически обходил эти деревни

полюдем, совершая ритуалы, устраивая пиры и принимая подношения от домохозяев (всего на о-ве Пасхи насчитывалось лишь около 300 домохозяйств¹³).

По-видимому, аналогичные привилегии имел и арики-хенуа, которому тоже подносили первые плоды, строили для него дом и старались угодить всем желаниям¹⁴. В предколониальное время кроме вождей-жрецов на острове периодически появлялась и фигура военного вождя *арики-мау*, завоевавшего власть силой, опираясь на личных друзей и сородичей, составлявших подобие его дружины. Однако органы государства, такие, как институт советников и посланцев военного вождя, его постоянная дружина и пр., только зарождались. Среди празднеств острова А. Метро выделяет *хареаити*, устраивавшийся весной и осенью тем из домохозяев, кто хотел таким образом поднять свой престиж. На хареаити созывалось много гостей и непременно аристократы-арики. Вождь сам своим присутствием освящал пиршество и танцы, составлявшие ядро праздника. Особенно важным было присутствие арики-хенуа¹⁵ (многочисленные аналогии дает материал о пирах при полюдьё в разных регионах мира).

Существовали и другие обрядовые обходы о-ва Пасхи. Так, в случае смерти важного человека его близкий родственник должен был обежать остров, держа в зубах крысу. Некогда там бывало множество обрядов паломничества в те или иные святые места и пр.¹⁶ В истории обществ различных регионов мира всякого рода круговые обходы территорий и циклы паломничества нередки (хотя и далеко не всегда) становились элементами складывавшегося полюдьё, во всяком случае, их можно рассматривать в качестве его прототипов (недаром в средневековой Европе полюдьё, циклы паломничества и всякого рода круговое движение обозначались на латыни одним и тем же словом *circuitum*).

Таким образом, мы можем считать, что здесь существовали элементы складывавшегося комплекса полюдьё.

Более высокую степень развития полюдьё дает Таити. Здесь в конце XVIII—начале XIX в. появилось королевство, возглавлявшееся Помаре I и Помаре II, объединившими острова Таити и западную часть архипелага Туамоту. В этом королевстве существовало несколько разновидностей полюдьё. Во-первых, с отдаленных времен был распространен обычай путешествия членов касты аристократов или вождей (арии) по своим владениям и владениям своих братьев по касте. Когда арии со своими приближенными прибывали пешком или на лодках, хозяин встречал гостей согласно строгому ритуалу, центральную часть которого составлял пир. Гости привозили кокосовые орехи, ткани из тапы, людей для человеческих жертв. В свою очередь арии-хозяин требовал от своих подданных поставки кокосовых орехов, лучших свиней, тканей и прочего для устройства пира и отдаривания гостей¹⁷. Такой обычай существовал и на других островах Полинезии. Всегда в честь прибытия гостя устраивался пир. По его требованию свиньи и другое продовольствие должны были доставляться на его лодку¹⁸.

Приношение гостю устраивалось лишь один или два раза, но обычно хозяева давали столько продовольствия, «чтобы его в случае необходимости хватило на три-четыре дня»¹⁹. В принципе же полинезиец должен был аналогичным образом встречать каждого прибывающего к нему друга²⁰.

Среди праздников таитян Морену упоминает «пиры, устраиваемые для вождей во всех округах, куда они прибывают во время своего путешествия, праздники первинков и другие специальные религиозные праздники... наконец, *taupiti* или *ooga*, всеобщие праздники, на которых население всего острова или нескольких островов собирается в общем месте»²¹. Такие пиры, как отмечала Н. П. Равва, являлись формой полюдьё²².

Если вождь или князек племени желал получить продовольствие для какой-либо экстраординарной цели (строительство дома, лодки и пр., для чего требовалось кормить приглашенных ремесленников и жрецов), то он посылал отряд своих слуг, которые отбирали у земледельцев свиней, овощи с их огородов,

лодки и пр. и все это доставляли вождю²³. В других случаях вождь посылал своего представителя по общинам, и общинники доставляли ему на своих лодках строительные материалы, продовольствие и пр. Тех, кто пытался припрятать продовольствие при «набеге» слуг вожды, приносили в жертву²⁴.

Таким образом, личного присутствия князька не требовалось для сбора дани, особенно с ближайших к его резиденции общин. Тем не менее комплекс типа полюдья на Таити складывался еще с отдаленных времен и был связан с деятельностью общества ареоев.

Ареои устраивали обходы островов в стиле «ритуальной анархии»; их сопровождали аристократы и местные правители²⁵.

Сохранилось множество описаний передвижения ареоев. Одно из первых принадлежит Г. Форстеру, наблюдавшему выступления ареоев и беседовавшему с ними на Таити и островах Общества в 1773 г. Он узнал, что ареои «время от времени собираются из разных мест и посещают по очереди один остров за другим, всюду предаваясь необузданному чревоугодию и наслаждениям. Когда мы стояли в Хуахейне (о-в Хуахина.— Ю. К.), там как раз остановился „караван“ из более чем семи сотен эрриоев (ареоев.— Ю. К.). Именно их мы встретили теперь здесь (в бухте Хаманено, на западе о-ва Раиатеа.— Ю. К.). Однажды утром они на семидесяти каноэ перебрались с Хуахейне на Раиатеа (Раиатеа.— Ю. К.) и, проведя несколько дней на восточном побережье этого острова, обосновались на западном берегу. Все это люди почтенные, явно принадлежавшие к высшему сословию»²⁶. Г. Форстер получил некоторые сведения об устройстве общества ареоев, видел их театральные представления и пляски²⁷. Он отмечал, что ареои охотно делились полученными от населения продуктами с мореплавателями, приглашая их принять участие в пиршестве²⁸.

Ж. Морену подробно описывает общество ареоев, его праздники и представления: «Жизнь членов общества ареоев проходит в сущности в удовольствиях и празднествах. Будучи чем-то вроде бардов, трубадуров или скорее бродячих комедиантов, они странствуют, давая представления и исполняя песни и танцы. Их песни представляют собой ряд речитативов, но ритмизированных (*cadencès*), обычно в сопровождении тамбура или музыки. Они воспевают сотворение мира, чудеса природы, великие (исторические.— Ю. К.) события и подвиги низших богов и героев. Они исполняют речитативом поэмы о (богах.— Ю. К.) Мани, Хиро, воспевая их путешествия, их битвы, их победы и сопровождающая слова жестами и телодвижениями, столь же грациозными, сколь и одухотворенными. Более того, у них, как у древних греков и римлян, есть гладиаторские бои. Их праздники... возбуждая веселье, энтузиазм и исступление, привлекают толпы народа, и, можно сказать, всегда на всех островах являются душой увеселений и пиров»²⁹. Морену подробно описал выступления ареоев³⁰, причем отметил, что все мифологические, военно-зрелищные и эротические сцены представляются ареоями низшего ранга (молодыми простолокнами), тогда как члены высших рангов, среди которых выходцы и из аристократии, «лишь присутствуют на больших праздниках, сидя в церемониальных костюмах, разрисованные (татуировкой), с украшенными перьями головами. Они окружены многочисленной челядью, спешащей им услужить; между тем как сами они живут в изобилии, без забот и без тревог, не думая ни о чем, кроме удовольствий, проводя свои дни среди всех наслаждений, которые эти восхитительные острова предлагают своим уроженцам»³¹.

Ареои были хранителями высокой и своеобразной культурной традиции и, несмотря на то, что их содержание слишком дорого обходилось обществу, пользовались высоким престижем. По словам Морену, «почитаемые народом, главным же образом приглашаемые вождями, они всюду желанные гости, всюду к ним прекрасно относятся, всюду осыпают подарками... Они находятся под покровительством богов»³². Собственно ареои считали своим покровителем бога Оро, культ которого они распространяли, высмеивая жречество других богов³³. Но главное, ареоям покровительствовали короли Помаре I и Помаре II

(до принятия им христианства); с помощью ареоев и культа Оро они подчиняли племена и местное жречество племенных богов³⁴.

До распространения на Таити христианства, когда с ареоями начали бороться миссионеры, ареои были многочисленны и странствовали большими «труппами», до тысячи и более человек, размещавшихся во многих десятках лодок. По свидетельству Морену, в начале XIX в. численность ареоев была «весьма значительной, по-видимому, была еще большей до открытия [Таити европейцами]. Предания свидетельствуют о состязаниях 150 пирог, прибывших одновременно с Раиатеа, Ухаине и других островов, причем каждая из них несла не менее тридцати или сорока, иногда же до ста человек. Жители [Таити] вспоминают о пирах, на которых закалывали до тысячи или тысячи двухсот свиней»³⁵.

Не удивительно, что «когда появлялась банда ареоев в несколько сот человек, она уничтожала все, как саранча»³⁶.

Как уже говорилось выше, к ареоям нередко присоединялись арии — правители отдельных княжеств и даже верховные правители. Вместе со своим двором они следовали за ареоями, превращая их странствования в полюдье. Морену так описывает прибытие ареоев на один из островов: «Ареои прибывают всегда первыми. Им предшествует священная пирога, нагруженная дарами богам и вождю округа, где дается свадник. По их прибытии и прежде, чем они сойдут на берег, вождь, глава ареоев и жрецы дистрикта приносят свинью и дорогие перья в мараи (святилище.— Ю. К.) изображению бога Оро... Затем один из ареоев произносит ответную речь на приветствие хозяев и ареои сходят на берег с марота'и (даром богам.— Ю. К.), состоящим из свиньи, которую они приносят в жертву в мараи, а также красных, белых и зеленых перьев...» Боги или жрецы получали свою пиршественную долю свинины раньше всех, затем ареои, после них вожди, за ними их подданные. Пиршество длилось день или два. Поэтому представление, устраиваемое ареоями, начиналось лишь на третий день по их прибытии³⁷.

Приведенные выше свидетельства ранних европейских путешественников имеют особую ценность для воссоздания атмосферы таитянского полюдья. Во-первых, благодаря ареоям намного увеличивались состав его участников и, следовательно, ложившаяся на плечи земледельцев, рыбаков, ремесленников тяжесть, поскольку они должны были их кормить и снабжать другим необходимым для жизни. Полюдье превращалось в главную форму изъятия прибавочного продукта сельских тружеников. Во-вторых, ареои — «люди бога Оро», сопровождая сакрализованного правителя при обходе им общин, усиливали религиозно-ритуальный элемент полюдья, а вместе с тем театрально-зрелищный и эротический элементы. Полюдье превращалось в сплошной праздник.

Труднее представить атмосферу полюдья на Тонга, где государственность развивалась в течение более продолжительного времени, чем на Таити.

На архипелаге Тонга (как и на некоторых островах Меланезии, населенных малочисленными полинезийскими этносами) социальная система сочетала в себе кастовые или прокастовые градации с линиджной и внутрисемейной иерархией рангов и отношениями личной зависимости (клиентелы, рабства и пр.). Верхушка общества составляла аристократическая каста арики (соответствует таитянской касте арии), во главе с несколькими правителями: священный царь *туи-тонга* и его царствующая жена, обладавшие в основном ритуальной властью, и царь-военачальник и управитель государства *туи-канокуполу*, власть которого была более реальной (хотя *туи-тонга* и некоторые другие особы считались людьми более высокого ранга, чем *туи-канокуполу*). Сын-наследник, дочь и племянница *туи-тонга* (они носили титул *тамаха*) считались самыми высокопоставленными особами на Тонга³⁸.

До XV в. только *туи-тонга* (муж и жена) были царствующими особами на архипелаге Тонга. В XV в., после убийства подданными нескольких царей,

появился «буферный правитель» *туи-хаа-такалауа*, которому туи-тонга передал часть своих функций. Еще в XIII в. тонганцы начали во главе с царями военную экспансию на другие острова и архипелаги, но именно при туи-хаа-такалауа в XV—XVII вв. царство Тонга достигло вершины военно-морского могущества, став гегемоном всей Западной Полинезии. В начале XVII в. туи-хаа-такалауа назначил одного из своих сыновей Нгата соправителем с титулом *туи-канокуполу*. Нгату обязывался надзирать за землями правителя в Хихифо, доставлять ему продукты земледелия и рыболовства. Отныне эти, а также другие хозяйственные, военные и даже некоторые ритуальные функции правителя перешли к туи-канокуполу. С течением времени носители этого титула благодаря бракам с принцессами-тамахами, как мы уже знаем, особами самого высокого ранга в стране, отнесли от реальной власти сначала туи-хаа-такалауа, а позднее и самих туи-тонга. С 1865 г. туи-канокуполу стали королями Тонга³⁹.

Аналогии мы видим в различных обществах, находившихся примерно на той же раннефеодальной ступени развития, что и тонганское XV—XVIII вв., например в микенской Элладе и в Спарте классического периода (*лавагет* и *ванакт*), в Тибете (*цэнпо* и *царь-военачальник*), Хазарии (*каган* и *царь*), в Конго XV в. (*китоме* и *мани-конго*) и пр.

Относительно комплекса полюдыя на Тонга многое остается пока неясным. Анализ обычного права королевства Тонга, составленного европейскими миссионерами по свидетельствам придворных и вельмож, показывает, что правители всех княжеств — арики посылали туи-канокуполу первинки урожая и дань продовольствием и ремесленными изделиями. В резиденции туи-канокуполу, расположенной близ резиденций туи-тонга, туи-хаа-такалауа и тамахи, эта дань принималась, а затем поступала к высшим в стране персонам. Сам туи-канокуполу ежедневно доставлял пищу и другие дары туи-тонга, а тот, ничего не давая взамен (по принципу отдаривания), передавал часть подношений другим царствующим особам, вельможам и придворным⁴⁰.

Все основные ритуалы священного царства совершались в главной резиденции туи-тонга. Центральной из церемоний было ежегодное подношение первинки урожая богам и божественным царским предкам в святилище Фанакава и Лепаха близ главной царской резиденции на о-ве Тонгатабу. При этом должны были присутствовать, как фигурально выражались, «все люди Тонга», в том числе жители тонганских владений на Самоа, Вавау, Эуа и других архипелагах⁴¹.

Другие важные, но далеко не столь массовые церемонии — обряды распития ритуального напитка кава, совершаемые в главной резиденции туи-тонга.

На деле святилища в Тонга были расположены в трех или четырех разных местностях о-ва Тонгатабу. Это могилы туи-тонга. Самые ранние (X—XII вв.) находятся в центральной части острова, а также в юго-восточной его части. При десятом туи-тонга Момо или, может быть, при его предшественнике главная резиденция туи-тонга, находившаяся где-то вблизи их могил, была перенесена в северную часть Тонгатабу, в Хекета. Здесь сын Момо, одиннадцатый туи-тонга Туитатуи, воздвиг две царские гробницы — для своего отца и для себя. Но уже двенадцатый туи-тонга Талатама перенес свою главную резиденцию в Лапаху, и отныне она оставалась здесь, пока во второй половине XIX в. не исчез сам институт туи-тонга. С царствования Талатамы (первая половина XIII в.) в Лапаху сооружались гробницы туи-тонга и их жен⁴².

Со второй половины XIII в. тонганские войска совершали походы на Самоа, позднее на Увеа и другие острова Западной Полинезии, а также на архипелаг Фиджи. Известно, что в эти походы туи-тонга часто посылал своих военачальников. Так поступал 25-й туи-тонга Кауулуфонуа I⁴³. Кроме того, в XVII—XVIII вв. туи-канокуполу и другие арики посылались на различные острова архипелага Тонга и на более далекие острова и архипелаги — Самоа, Футуна, Ротума, Увеа, Ниуэ для сбора дани. Голландские мореплаватели Схоутен и Лемер в 1616 г. застали на о-ве Футуна важную особу, носившую

титул лату, и еще одну персону, арики, который, возможно, по их словам, являлся сувереном всех островов Дружбы. Э. У. Джиффорд считал, что речь шла о наместнике туи-тонга или его сборщике дани. В 1824 г. миссионер Диллон на Ротуме слышал от верховного жреца и вождя Маланги, что тремя годами ранее он послал своего сына с тремя большими каноэ собирать дань, но они так и не вернулись, может быть, их унесло бурей в океан⁴⁴.

Вместе с тем известно, что туи-тонга имел домениальные владения в разных частях своего государства. Время от времени он их посещал. Об этом рассказывают устные хроники Тонга и Самоа. По словам Э. У. Джиффорда, на Тонга существовали местности, называемые *холева*, где были расположены второстепенные резиденции туи-тонга. Когда туи-тонга путешествовал по суше, обходя свои владения, он останавливался лагерем, причем для него сооружалось временно переносное жилище из специальных шестов, циновок и пр.⁴⁵

Устные хроники Тонга, а также устные хроники Самоа и местные предания различных островов сообщают, что туи-тонга посещал свои владения и за пределами столичного о-ва Тонгатабу. Одной из целей таких морских походов, совершаемых туи-тонга во главе целой флотилии каноэ, было пополнение его гарема, где порой насчитывалось до трехсот представительниц прекрасного пола. Разумеется, как и в других странах, браки правителей в Полинезии имели помимо прочего и политическое значение, укрепляя связи правителя с вассальными князьями и влиятельными группами населения. Другой целью походов были поиски и доставка в Лапаху огромных каменных плит весом иногда до 30 т, которые устанавливались на могилах царей. Переправить их из каменоломен по суше, затем на лодках по океану было повинностью простонародья. Исследователи поражаются, как при примитивной технике, существовавшей в средневековой Полинезии, на Тонга и других архипелагах удавалось производить такие грандиозные работы⁴⁶. Вместе с тем сакральная цель трудовой повинности заставляет вспомнить о религиозно-ритуальных функциях полюдья.

Как ни странно, меньше всего сохранилось сведений об экономических функциях. Тем не менее простейшая из них — «кормление» правителя и его свиты, по моему мнению, наверняка имела место.

Согласно устным хроникам, первым туи-тонга, покинувшим о-в Тонгатабу, был Момо, посетивший о-в Эуэки, ближайший к Тонгатабу. Его сын Туитатуи тоже плывал на этот остров, умер же он на о-ве Эуа, юго-восточнее Тонгатабу. Туи-тонга Талакаифанки часть времени проводил на архипелаге Самоа, где на островах Уполу и Саваии у него были резиденции. Его предшественники тоже имели резиденции и домениальные владения на Самоа. Как и они, Талакаифанки женился на самоанках. Но при нем тонганское владычество на Самоа окончилось; туи-тонга был навсегда изгнан с этого архипелага⁴⁷.

Вероятно, к этому времени тонганцы уже покорили архипелаг Вавау, находящийся между Тонга и Самоа и до сих пор принадлежащий королевству Тонга. 29-й туи-тонга Улуатимата I, известный также под своим детским именем Телеа, имел одну из временных, по выражению Э. У. Джиффорда, резиденций на о-ве Эуакафа и ряд резиденций на других островах Вавау, однако он был похоронен в Лапаху⁴⁸. Согласно устным хроникам, к тому времени тонганцы покорили острова Ниуэ, Тувалу, Ротума, Футуна, Токелау. В 1781 г. испанский путешественник А. Маурельо получил прием у туи-тонга Пау, когда тот находился на Вавау. Во время пребывания на Тонга шотландского моряка У. Маринера (начало XIX в.) туи-тонга Фуануиава также подолгу жил на Вавау⁴⁹.

Подобно туи-тонга, тамахи — юноши и девушки — имели помногу резиденций, которые они поочередно посещали. Считалось, что особа столь высокого ранга должна путешествовать только в паланкине, но иногда тамаха ходил пешком. При его появлении народ оказывал принцу или принцессе величайшие почести, подносил дары; больные прибывали для исцеления — все, как

при появлении священного царя или престолонаследника в других регионах мира. Одна из главных резиденций тамахи находилась в Лапахе, другая, чрезвычайно почитаемая — в Хаапай, на о-ве Тунгуа; когда здесь пребывал тамаха, то гребцы проплывавшей мимо лодки должны были прыгать за борт и плыть рядом с лодкой⁵⁰. Европейские путешественники и миссионеры заставляли тамаху на разных островах и в разных местностях о-ва Тонгатабу⁵¹.

Сохранившиеся сведения позволяют лишь предположить, что в священном царстве Тонга XV—XIX вв., до превращения его в «миссионерское королевство» во второй половине XIX в., складывался комплекс полюдья, причем в полюдье ходили все царственные особы: туи-тонга, туи-хаа-такалауа, туи-канокуполу, тамаха. Это все, что можно извлечь из источников.

Лучше исследован комплекс полюдья на архипелаге Гавайи, где находилось крупнейшее в Полинезии государство доколониального времени.

Европейские путешественники, посещавшие Гавайи в правление Камеа-меа I (ок. 1786—1819 гг.) нередко находили его в пути. В ноябре 1816 г. О. Е. Коцебу встретил Камеамеа, когда тот двигался «к северу вдоль берега; целью этого путешествия была ловля тунцов»⁵². О. Е. Коцебу узнал также, что этот «король часто пребывает на о-ве Вагу» (Оаху)⁵³.

На Гавайях центральным событием года был праздник плодородия макахики. В начале праздника великий князь, или царь, считавшийся воплощением бога Лоно, совершал обряд, имитировавший «ритуальное восстание», игру в убийство царя и как бы наступление нового царствования. Затем он обходил свои владения, собирая дары и перераспределяя их среди сопровождавших его жрецов, придворных и воинов. Этот обход царства включал в себя обязательное посещение храмов и святилищ. Согласно поверьям гавайцев, приношение царю в праздник макахики должны были обеспечить обильный урожай⁵⁴.

Ценные описания макахики мы находим в сообщениях русских путешественников начала XIX в.

Так, руководитель русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» Ю. Ф. Лисянский писал о празднике макахики: «Целый месяц народ проводит в разных увеселениях, как то: в песнях, в игрищах и примерных сражениях. Король, где бы он ни находился, должен сам открыть сей праздник. Перед восхождением солнца надевает он на себя богатый плащ (сшитый из красных и желтых птичьих перьев, подобный цвету восходящего солнца.— Ю. К.) и... отъезжает от берега, принаравливаясь так, чтобы вместе с восхождением солнечным опять пристать к оному. Для встречи короля назначается один из сильнейших и искуснейших ратников. Во все время плавания следует он по берегу за королевской лодкой, которая как пристанет и король, вышед из оной, сбросит с себя плащ, то ратник сей, находясь не далее 30-ти шагов, из всей силы бросает в него копьё, которое король должен был или поймать, или быть убитым, ибо в сем случае, говорят, нет ни малейшего притворства. Изловя копьё, король оборачивает оное тупым концом кверху и, держа под мышкою, продолжает свой путь в ... главный храм богов»⁵⁵.

Дж. Фрэзер дал объяснение центральному обряду праздника макахики как разновидности древнего обычая ритуального царевбийства, связанного с культом плодородия⁵⁶.

Рассказ Ю. Ф. Лисянского значительно дополняет сообщение его спутника, иеромонаха Гедеона, автора до сих пор не опубликованного «Донесения о плавании на корабле Нева». Описав обряд копьёметания в короля Гавайев Камеа-меа, Гедеон пишет: «После сего (короля) встречает первенствующий над духовенством, принимает у короля копьё и при звуке торжественных всего народа восклицаний относит в ... марай (храм.— Ю. К.). При выходе оттуда и окончании всей церемонии начинаются воинские потехи»⁵⁷. Лейтенант Р. П. Бойль, один из офицеров шлюпа «Открытие», который вместе со шлюпом «Благонамеренный» в марте-апреле и декабре 1821 г. посетил Гавайи, в своей неопуб-

ликованной записке также описал макахики, причем в отличие от Ю. Ф. Лисянского отметил, что таким путем происходил сбор податей в пользу короля⁵⁸.

Анализ макахики как эколого-экономического и религиозно-политического комплекса дан С. Л. Ситонем⁵⁹. Четырехмесячный сезон макахики был, по традиции, единственным установленным обычаем периодом мира во время почти постоянных войн между отдельными великими князьями (*алии-нуи*). В сезон макахики правитель, как церемониальный представитель бога Лоно, получал дань продуктами ремесла и продовольствием, особенно свининой. Сопровождавшие его жрецы посещали все святилища ахупуа и «освобождали» землю от капу. В последнее понятие входили сакрализованные ремесла и занятия, урожай и потребление его плодов, а также *мана* — опасная магическая сила. Макахики был праздником плодородия и обновления в природе и обществе. Он совпадал с концом сезона бурного роста растений и началом прохладного времени года и отмечал начало года по гавайскому календарю.

Этот праздник включал ряд религиозных церемоний, в том числе обход вождества, или княжества жрецами с изображением бога Лоно в сопровождении сборщиков дани в пользу верховного вождя. Если они собирали достаточное количество дани, то жрец *кахуна* освобождал землю от *капу* и разрешал земледельческие работы. В конце макахики сооружалось новое святилище (*хеиау*), земледельческое или рыболовецкое⁶⁰.

Быстрое развитие в основных странах Полинезии полукOLONиальных обществ и буржуазных отношений, депопуляция многих стран Полинезии и заселение их колонистами из-за океана неминуемо вело к исчезновению комплекса полюдьа. Тот же процесс, возможно, еще в самом начале нового времени произошел на Марианских островах, которые первыми из архипелагов Океании стали жертвой колониального порабощения. В других частях Микронезии комплексы типа полюдьа описаны в XIX — начале XX в.

По свидетельству О. Е. Коцебу, около 1810 г. острова Ратак (восточная часть Маршалловых островов) были объединены царем Ламари, который собрал дружину на своем родном о-ве Арно и затем последовательно завоевал остальные острова архипелага, истребляя их прежних правителей и включая все боеспособное население в свой «экспедиционный корпус». Свои владения Ламари обходил с военным отрядом на лодках, подолгу (на два месяца в одном случае) останавливаясь на каждом острове, везде собирая с народа дань продовольствием (плоды хлебного дерева, кокосовые орехи, сок пандануса и пр.) и другими вещами, такими, как высокоценимые железные орудия. В полюдье Ламари собирал ополчение на войну с соседями⁶¹.

Однако обычай полюдьа, по-видимому, был известен на Маршалловых островах еще до Ламари.

По традиции, каждый из Маршалловых островов был разбит на множество участков, обрабатываемых отдельными семьями сервильных земледельцев-*каюров* или привилегированных простолюдинов (*матокток, джиб*), получивших участки от вождей за услуги. Эти участки, даже соседние, расположенные на одном и том же острове, принадлежали разным представителям правящей касты вождей. Некоторые вожди имели по 20—30 и даже 40 отдельных участков, разбросанных по разным островам. На этих участках выращивали в основном плодовые деревья: банан, хлебное дерево, кокосовую пальму, панданус. Считалось, что вождю принадлежит урожай за первую половину года, а за вторую — его каюрам. Кроме того, каюр поставлял своему вождю рыбу и циновки. Каждый вождь объезжал на лодке свои островные владения, собирая дань продовольствием, часть которой вожди низшего ранга передавали своим сюзеренам — вождям высшего ранга⁶².

На о-ве Понапе (Каролинские острова) в начале XX в. правитель кормился сам и кормил свою дружину и приближенных, обходя с ними «предводителей» (*Hauptling*) отдельных местностей. Правитель переносил свою резиденцию из одной области в другую, чтобы не разорять их население тяжелыми по-

дателями и повинностями, идущими на содержание его двора. На протяжении ряда лет он одну за другой посещал и основательно обирал все области своего государства. При этом правитель останавливался в особых домах. Немецкие этнографы, впервые описавшие этот обычай на Понапе, справедливо сравнивали его с полюдьем (*Recht mit den Reisen*) императора средневековой Германии⁶³.

Насколько можно судить на основании скудных источников, полюдьё существовало на всех основных архипелагах Полинезии и Микронезии, оно не было известно на Новой Зеландии, где государство сложилось лишь в его «миссионерской» форме⁶⁴. При этом на некоторых архипелагах и островах полюдьё появилось лишь в результате их завоевания правителями других архипелагов.

В течение всего 100 лет (конец XVIII — конец XIX в.) в истории обществ Океании произошли такие перемены, какие в других регионах мира назревали и осуществлялись на протяжении тысячелетий. За этот отрезок времени многие общества Полинезии, Микронезии (без Марианских островов), Фиджи и Новой Каледонии прошли столь различные состояния, или ступени развития, как: позднее племенное общество, с относительно далеко зашедшим разделением труда в его общинно-кастовой форме, с зачатками классов в виде каст, или протокаст, элементами феодальной эксплуатации, публичной государственной власти, классовый по существу религии (обожествление власти вождей, или князьков, иерархия богов и жреческая иерархия);

раннефеодальное королевство на многих островах с развивающейся системой государственного принуждения и государственной политеистической религией;

«миссионерское государство» на феодально-колониальной периферии европейско-американского капитализма; быстрое развитие феодальных отношений одновременно с подчинением страны иностранному торговому капиталу, депопуляцией и колонизацией;

колониально-капиталистическое общество.

В начале этого процесса, в XVIII в., не все общества Океании (не говоря уже о Новой Гвинее) были в равной мере развиты (или неразвиты). В одних черты начальной (нулевой ступени) были выражены ярче, в других слабее, но почти одновременное установление контакта с европейцами придало ускорение социально-экономическому, политическому и культурному развитию этих обществ. Вместе с тем не все они равномерно и в полной мере прошли указанные выше ступени эволюции от поздних племенных к колониально-капиталистическим. Однако общее направление и темпы исторического развития были именно такими, как сказано выше. За пределами Океании есть страна, развитие которой в XVIII—XIX вв. имело те же закономерности, но в более широких масштабах, — это Мадагаскар.

По мере развития раннефеодального общества и его перерастания в «феодально-миссионерское» в некоторых обществах Океании развился и исчез комплекс типа полюдьё. На нулевой ступени мы находим различные элементы (данничество, ритуальные путешествия вождей и неженатой молодежи, обожествление вождей и существование касты вождей, или князей и пр.), из которых, как показывает исторический опыт других регионов мира, мог возникнуть комплекс полюдьё. На следующей ступени такой комплекс действительно возникает и даже достигает фазы развития (Таити, Тонга, Гавайи, Маршалловы острова, Понапе, Яп и др.), а затем в «миссионерских» государствах или в колониях он дезинтегрируется и отмирает.

Кратковременность исторического жизненного цикла полюдьё в Океании в целом соответствует кратковременности раннефеодального этапа истории этого региона.

Примечания

- ¹ В сущности «Исследование о даре» М. Мосса (*Mausse M. Etude du don*) было одним из первых в мировой науке опытов изучения социальных комплексов. О месте таких комплексов в системе общественно-исторических формаций см.: Африканская деревня вчера и сегодня. Традиционные и современные формы хозяйства. М., 1987. С. 52 сл.
- ² Кобищанов Ю. М. Полюдые и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1986. С. 136 сл.; *Kobishchanow Yu. M. The Phenomenon of Gafol and Its Transformation // The Early State Dynamics / Eds Claessen H. J. M., Velde P. van der. Leiden; N. Y.; København; Köln, 1987. P. 108—123; idem. The Gafol Complex in Ethiopian History // Proceedings of the Ninth International Congress for Ethiopian Studies. Moscow, 26—29 August 1986. M., 1988. V. 6. P. 99—110.*
- ³ Религии в XX веке. Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 55 сл.
- ⁴ *Peyer H. G. Das Reisekönigtum des Mittelalters // Vierteljahreshrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1964. B. 51. Hl. 1.*
- ⁵ Кобищанов Ю. М. Полюдые в Тропической Африке (К вопросу о формах отчуждения прибавочного продукта в раннефеодальных обществах) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 65; *его же. Полюдые и его трансформация...*
- ⁶ Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства? // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966. С. 42—48; *его же. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 110 сл.; его же. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; его же. Проблема переходного периода в свете большой феодальной формации // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986. С. 48—58.*
- ⁷ *Williamson R. W. The Social and Political Systems of Central Polynesia. V. 3. Cambridge, 1933. P. 358.*
- ⁸ *Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947. С. 96.*
- ⁹ *Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985. С. 54—55, 57.*
- ¹⁰ Там же. С. 56.
- ¹¹ Там же. С. 65.
- ¹² *Metraux A. Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940; Idem. Easter Island, a Stone Age Civilization of the Pacific. L., 1957. P. 127, 131, 133—134, 139; Бутинов Н. А. Указ. раб. С / 158 сл., 164.*
- ¹³ *McCall G. Kinship and Environment on Easter Island // Mankind. 1979. V. 12. № 2. P. 127; Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 162.*
- ¹⁴ *Metraux A. Ethnology...; idem. Easter Island... P. 135; Williamson R. W., Op. cit. P. 362; Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 164.*
- ¹⁵ *Metraux A. Ethnology...; idem. Easter Island... P. 171—175.*
- ¹⁶ *Metraux A. Ethnology...*
- ¹⁷ *Moerenhout J. Voyage aux Iles du Grand Océan contenant des documents. T. 2. P. 1837. P. 138, 153—154.*
- ¹⁸ *Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1960. С. 61.*
- ¹⁹ *Moerenhout J. Op. cit. P. 153.*
- ²⁰ *Ibid. P. 154.*
- ²¹ *Ibid. P. 136.*
- ²² *Равва Н. П. Полинезия. Очерк истории французских колоний (конец XVIII—XIX в.). М., 1972. С. 30.*
- ²³ *Ellis W. Polynesian Researches. V. 3. L., 1831. P. 95.*
- ²⁴ *Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 184.*
- ²⁵ *Mühlmann W. E. Die geheime Gesellschaft der Areoi, eine Studie über polynesische Geheimbünde. Leiden, 1932; Idem. Ati und Mataeinaa // Anthropos. 1934. P. 739.*
- ²⁶ *Форстер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986. С. 316.*
- ²⁷ Там же. С. 316—322.
- ²⁸ Там же. С. 319.
- ²⁹ *Moerenhout J. Op. cit. P. 130—131.*
- ³⁰ *Ibid. P. 131—135, 140—143.*
- ³¹ *Ibid. P. 135.*
- ³² *Ibid. 132.*
- ³³ *Ellis W. Op. cit. V. 1. P. 317.*
- ³⁴ *Бутинов Н. А. Указ. раб. С. 193—195.*
- ³⁵ *Moerenhout J. Op. cit. T. 2. P. 133.*
- ³⁶ Народы Австралии и Океании / Под ред. Токарева С. А., Толстова С. П. М., 1956. С. 620.
- ³⁷ *Moerenhout J. Op. cit. P. 137, 140.*
- ³⁸ *Gifford W. Tongan Society. Honolulu, 1929. P. 19, 82.*
- ³⁹ *Ibid. P. 48, 98—99.*
- ⁴⁰ *Ibid. P. 102.*
- ⁴¹ *Ibid. P. 76.*
- ⁴² *Ibid. P. 52—53, 71, 78.*

- ⁴³ Ibid. P. 54, 68.
- ⁴⁴ Ibid. P. 14.
- ⁴⁵ Ibid. P. 71.
- ⁴⁶ Ibid. P. 72—73.
- ⁴⁷ Ibid. P. 14, 72.
- ⁴⁸ Ibid. P. 56, 72.
- ⁴⁹ Ibid. P. 72.
- ⁵⁰ Ibid. P. 80 e. a.
- ⁵¹ Форстер. Указ. раб. С. 209.
- ⁵² Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света. М., 1948. С. 117.
- ⁵³ Там же. С. 116.
- ⁵⁴ Malo D. Hawaiian Antiquities (Moolelo Hawaii). Honolulu, 1951. P. 47, 141—146.
- ⁵⁵ Лисянский Ю. Ф. Указ. раб. С. 194—195.
- ⁵⁶ Frazer J. The Golden Bough. V. I, II. L., 1890.
- ⁵⁷ Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов // Сов. этнография. 1978. № 5. С. 76—77.
- ⁵⁸ Тумаркин Д. Д. Материалы экспедиции М. Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов // Сов. этнография. 1983. № 6. С. 54.
- ⁵⁹ Seaton S. L. The Early State in Hawaii // The Early State / Eds Claessen H. J., Skalnik P. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 275, 278—279, 282—285.
- ⁶⁰ Malo D. Op. cit. P. 47, 141—146, 151.
- ⁶¹ Коцебу О. Е. Указ. раб. С. 191, 195, 198, 200, 219, 287.
- ⁶² Wedgwood C. H. Notes on the Marshall Islands // Oceania. 1942. V. XIII. № 1.
- ⁶³ Hambruch P., Eilers A. Ponape (Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908 bis 1910). II. B. 7. Teilband. 2. Hamburg, 1936. S. 9.
- ⁶⁴ Согласно определению финского историка А. Коскинена, миссионерскими государствами являются такие политические объединения Океании XIX в., в жизни которых европейские христианские миссионеры являлись решающим фактором (Koskinen A. Missionary Influence as a Political Factor in Pacific Islands. Helsinki, 1953).